

**МАША
ТРАУБ**

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
ЛИШНИЕ ДЕТИ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
НЕ МАМКАЙ!
СУП, ВТОРОЕ И КОМПОТ
ПОСМОТРИ НА МЕНЯ

МАША
ТРАУБ

Когда мама –
ЭТО ТЫ

Москва
2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Разработка серии и оформление переплета:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»
Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.
Т65 Когда мама – это ты / Маша Трауб. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.
ISBN 978-5-04-160263-5

Эта книга сложилась из тех самых пресловутых пометок в блокноте, о которых так часто спрашивают читатели. Пометки я делаю редко, потому что все равно забываю, куда записала. Даже этот блокнот сохранила лишь по той причине, что в нем рисовала двухлетняя малышка, дочь моей подруги, а ее сестра-первоклассница придумывала собственный шрифт. В этом же блокноте я писала для нее смешные рифмы и объясняла разницу между твердым и мягким знаками, которые первоклашке казались одинаковыми. «Ну кто все эти буквы изобрел? Они о детях вообще думали?» — возмущалась моя ученица... И здесь же — заметки на строчку, две, абзац. Реальные ситуации, которые меня чем-то потрясли, удивили, рассмешили. Эта книга — коллекция маленьких историй о больших чувствах.

Маша Трауб

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Трауб М., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2022

ISBN 978-5-04-160263-5

Нет, я не стала многодетной матерью, хотя детей в доме прибавилось. Они появились сами собой, к моему огромному счастью. Началось все с первоклашки Полины, которой никак не давались прописи. Я решила один раз показать, как писать тушью и чернилами, какие раньше были красивые буквы, — и все... Полина стала моей первой и самой любимой ученицей. Думаю, что и последней. В конце года я поняла, что не могу работать репетитором. Мне нравится играть с детьми в слова, веселить их стихами собственного сочинения, придумывать рифмы, выводить перьями каляки-маляки с вензелями, придумывать собственный шрифт, пачкаться тушью, показывать, как выглядит промокашка, и демонстрировать цирковой трюк — печатать вслепую десятью пальцами. Полине тоже нравились именно такие уроки, но нам некуда было деваться от домашки — вставить пропущенные буквы, посчитать количество звуков и букв в словах. Да, это нужно, но нам с Полиной не очень весело.

Маша Трауб

— Все, теперь можешь поиграть, — сказала как-то я после очередной домашки, особенно бессмысленной и беспощадной. Дети, не умеющие писать половину букв и не выучившие до конца алфавит, должны были «собрать» пословицы. Я даже уже шутить не могла, потому что Полина чуть не плакала, лежа лицом в тетради. У нее шляпка от «Г» прописной никак не получалась, а тут еще сборка-разборка пословиц.

— «В книге ищут не буквы, а...»

— Картинки, — буркнула Поля.

— Ну да, а еще мысли. Вот смотри, справа подсказки. Нужно провести линию.

Поля посмотрела и соединила: «Ученье — свет, в рот само не станет литься».

— А неученье — тьма, — подсказала я.

— Страшно, — сказала Полина.

— Знай больше, а говори... — Я сделала еще одну попытку.

— Громче! — радостно воскликнула Полина.

— Когда семья вместе, так и... — прочитала я.

— Еда быстро заканчивается, и надо опять в магазин ехать, — продолжила Полина.

— Не имей сто рублей, а имей...

— Кредитную карточку. Папину.

— Землю солнце красит, а человека...

— Платья.

— Так, ладно, пословицы нужно просто выучить, — решила я. — Хотя бы те, которые у вас в прописи.

— А почему у меня здесь четверка? — спросила Полина, показывая на классную работу.

— Потому что у тебя «налим» превратился из рыбы, то есть существительного, в глагол «налил». Ты забыла еще одну палочку дописать, — объяснила я, — а «пчелы» в единственном числе не «пчел», а «пчела». Мальчиков-пчел не бывает. А «взрослый утенок» не «уток», как ты написала, а «утка» хотя бы. Хотя правильно — «селезень».

— Кто-о-о-о? — Кажется, Полина собралась бросать школу.

— Ну смотри, задание — «львенок — лев», «гусенок — гусь». Вы в детском саду должны были проходить животных и их детей.

— В детском саду мы гуляли и играли. Хорошо было, — тоскливо проговорила Полина.

— Ладно, все. Я тоже больше не могу с твоей домашкой, — призналась я.

— Теперь я могу поесть, — объявила Полина.

Наши занятия перенесли на кухню. Полина ела, я ее смешила историями, глупостями. Полина ухохатывалась и тоже смешила меня.

— У меня в животе кит, — объявляла она.

— Это как? — уточняла я.

— А вот так. Он почти умер и кричит. Послушай! — Желудок худящей Полины, которая могла

Маша Трауб

съесть кита в один присест, действительно выразительно урчал. Но мне бы и в голову не пришло сравнить этот звук с криком умирающего кита.

— А ты слышала когда-нибудь, как кричит умирающий кит? — спросила я.

— Конечно, — хмыкнула Полина. — Каждый раз, как хочу есть, так его и слышу.

— А мне кажется, кит кричит так, как я над твоей домашкой. — Я изобразила крик. Полина свалилась от хохота под стол.

— А я сегодня видела корову господню, — рассказывала мне моя подопечная.

— Кого? Корову? И где же? — удивлялась я.

— На школьном дворе.

— Только не «на», а «в» школьном дворе, — поправила я. — Предлоги надо употреблять правильно, это важно. Если я от тебя когда-нибудь услышу «на районе», больше не буду тебя кормить. Предлоги всегда пишутся отдельно с существительными. Например, «бабочка сидит на цветке».

— Нет, она может сидеть и в цветке, я видела.

— Мне кажется, пчелы сидят в цветке, а бабочки на лепестках. В любом случае предлог «в» нужно писать отдельно. А еще есть красивый предлог — синоним «около». Синоним — это похожее значение. Можно сказать «подле». То же значение, что «перед», «возле», — начала рассказывать я.

Полина отвлеклась и смотрела в окно. Мой рассказ ее не заинтересовал.

— О чем ты думаешь? — спросила я.

— О пчеле, — ответила Полина. — И додумалась!

Когда Полина до чего-то додумывалась, у нее глаза становились размером с блюдца, о чем я ей сообщала. Когда она задумывала хитрость или шутку, тоже всегда было понятно.

— Полик, ты так смотришь, что тебя хочется или накормить, или рассмешить, — говорила я.

— Я согласна. Корми меня, а я буду думать! Пусть пчела сидит на цветке. Потому что если она залетит внутрь, то начнет чихать и не сможет собрать нектар.

— И почему пчела начнет чихать? — уточнила я.

— Как почему? Потому что весна и у всех аллергия. И у пчелы тоже! На цветение! У меня — на березу, а у пчелы — на цветок. Бедная пчелка, как же она без этого... нектарина? Она же голодная останется! — Глаза моей подопечной немедленно наполнились слезами, что неизменно вводило меня в ступор. Все же хорошо начиналось! Предлоги, их написание. С Полиной всегда так — начнешь с предлогов, получишь пчелу с аллергией на цветение.

— Полин, нектарин — это фрукт, а пчелы собирают нектар. И я придумала. Пусть пче-

Маша Трауб

ла сидит *на* цветке, а потом зажмет нос и быстро залетит *в* цветок. Соберет нектар — и бегом назад.

— У них нет носа. — Полина все еще собиралась разрыдаться.

— Очень даже есть. «Хоботок» называется, — ответила я. — Лапки есть, поэтому она прекрасно сможет зажать хоботок, чтобы не расчихаться.

— Нет, пусть она залетит в цветок, чихнет, и тогда весь нектар на листочках окажется, — предложила Поля.

— Тоже прекрасная идея. Так, о чем мы с тобой говорили до чихающей пчелы?

— Надо говорить *в* школьном дворе, — послушно повторила Поля.

Я пыталась понять, как корова могла оказаться в школьном дворе, решив, что «господня» она потому, что все «твари господни». Лихорадочно соображала, откуда Полина могла услышать это выражение.

— И что она делала? — уточнила я.

— Как что? Посидела и улетела, — ответила Поля.

— Кто? Пчела или корова?

— Корова, конечно же!

Я устала после работы, а Полина любила сочинять небылицы. Так что летающая тварь господня в виде коровы после пчелы с аллергией меня не удивила.

На следующем занятии Полина попросила найти стишок, который нужно читать для коровы бога. Домашнее задание такое.

Видимо, я опять была не в себе, потому что подумала об Индии и начала рассказывать своей ученице, что в этой стране действительно коровы считаются священными животными, они ходят по улицам и вообще где хотят. И их ни в коем случае нельзя прогонять. От усталости я, к счастью, не стала глубоко вдаваться в индуизм. Полина сидела, глядя на меня огромными глазами. А значит, требовала продолжения истории.

Ее мама, моя подруга Катя, на время наших занятий уходила пить кофе на кухню или в другую комнату. Но в тот раз зашла к нам с Полиной.

— Прости, откуда у Полины в голове такое? Учительница постаралась? — Я рассказала Кате про божьих тварей и священных животных, которыми вдруг стала интересоваться первоклашка.

— Маш, она божью коровку имеет в виду, — ответила Катя. — Просто никак не может выучить название.

— Какой ужас, — перепугалась я по-настоящему. — Я не догадалась... должна была... Теперь у нее в голове вообще не пойми что будет.

— У нее и так в голове не пойми что, — ответила спокойно Катя. — Одним не пойми что больше, одним меньше, уже не имеет значения.

Маша Трауб

* * *

Да, дети не всегда могут запомнить слова, которые, кажется, должны знать. Это случается не только с маленькими, но и с вполне взрослыми. На море моя дочь Сима, окончившая шестой класс, все время повторяла «шахтер закрыт» или «в шахтере свет не горит». Я, если честно, думала, что «Шахтер» — название помещения, где проходят творческие мастер-классы детского клуба. Ну мало ли, почему «Шахтер»? Названия не всегда бывают понятными.

— Шахтер — это что? — наконец спросила я у дочери.

— Это там, где можно играть в настольный теннис, — ответила Сима. — Ну вон, свет горит. Значит, еще играют.

— Шатер! Не шахтер! Разве ты не знаешь значение слова «шатер»? — ахнула я.

— Мам, шатер я знаю. Но здесь точно не он, а какая-то палатка, которую поставил шахтер, — ответила дочь.

Та же история была с «клепчаткой». Сима сказала, что ей нужна клепчатка. Видимо, я опять, как и с Полиной, была погружена в собственные мысли, поэтому сразу не сообразила, какая такая клепчатка. Подумала, что речь идет о футболисте — Сима благодаря старшему брату знает многих футболистов из разных клубов. Я реши-

ла поддержать интерес ребенка к теме, как советуют детские психологи, и рассказала ей то, что почерпнула из интернета: есть такой польский футболист Петр Крепчарик. Даже его биографию пересказала. Сима смотрела на меня, как Полина, — округлив от ужаса глаза.

— Мам, это про еду. Гречка, овсянка, помидоры. Нам в школе рассказывали про здоровое питание, — сказала Сима.

— Господи, клетчатка! Там нет буквы «пэ»!

— Клепчатка, — послушно повторила Сима.

— Клетчатка, без «пэ».

— Мам, не волнуйся ты так. Я это все ем. Одна из класса, — заверила меня дочь, решив, что я волнуюсь из-за ее правильного питания.

* * *

Полине никак не давались школьные диктанты и проверочные. Исключительно из-за невнимательности. Она могла задуматься, замечтаться, сочинять про себя песню или переделывать стишок так, чтобы он стал смешным. Точки и заглавные буквы, а также поля на тетрадном листке она игнорировала. Зато ей нравились знаки препинания, про которые я ей рассказала, чтобы хоть как-то объяснить их значение. Поэтому Поля вместо точек вырисовывала точки с запятой, двоеточия и тройные восклицательные

знаки. Еще я ей зачем-то объяснила разницу между тире и дефисом, и она, высунув от усердия язык, везде рисовала тире и дефисы. Это точно моя вина. Иногда тире получается из двух дефисов, если набирать текст на макбуке. Слава богу, Полина пока не пользуется компьютером. Еще я зачем-то рассказала ей про корректорские знаки, которые ставят на полях бумажных макетов газет, журналов и книг. И что означают двойное подчеркивание под буквой, палочка с хвостиком, дуга между буквами и все остальное. Я исправляла диктант Полины такими значками, и, конечно, она опять округлила глаза.

— Какая красота, — сказала она, — рассказывай.

— Полин, в следующий раз. Давай мы сначала научимся точки ставить в предложениях.

— Это скучно, — ответила Полина.

Да, это так. Корректорские знаки веселее, кто бы спорил.

А еще кавычки. Поле очень понравилось рисовать кавычки. Именно поэтому я и решила отказаться от карьеры репетитора — ребенок знал то, что не нужно, а то, что нужно, — не знал и знать, откровенно говоря, не хотел. Мы выучили пословицы, научились писать красивые крышечки над прописными «Г» и «Б», но все это Полину не увлекало. Она могла и пропеть то, что не поется, и прошептать то, что не шепчется, опре-

деляя гласные и согласные. По слогам тоже умела разбить театрально, красиво, а не так, как положено.

Учительнице Марине Михайловне, по рассказам Полины, было очень мало лет, и она только вчера «сидела на какой-то скамье в школе, видимо, в раздевалке».

— А что такое скамья, она вам не объяснила? — уточнила я.

— Не-а, — ответила Полина. — Теперь она перед нами стоит.

— Скамья — это скамейка. Как в парке. Но говорят, что знакомы друг с другом со школьной скамьи, можно оказаться на скамье подсудимых...

— Марина Михайловна меня не любит.

— С чего ты взяла?

— Она всем пишет в тетради «молодец» или «умница» и наклейки клеит. А мне нет.

— Полик, у тебя слишком много ошибок. Кстати, твоя Марина Михайловна еще две не заметила. Вот, смотри. Ты опять пропустила букву.

В какой-то момент Полине надоело оставаться не-умницей, и она объявила учительнице:

— А вы, Марина Михайловна, знаете, с кем я домашку делаю? С писательницей Машей Трауб. Не знаете такую? Странно, все знают, а вы — нет. Она о-о-о-очень знаменитая. Стыдно не знать.

Полина — прирожденная актриса. Читает стихи так, что все слезы льют. Она даже задан-

Маша Трауб

ный стишок учит с надрывом в голосе, отчего я сползаю от хохота под стол. Марине Михайловне она сообщала обо мне, будто речь шла как минимум о Пушкине.

— Полина, счастье мое, ты бы сообщила учительнице, с кем занимаешься, когда начнешь получать пятерки! — воскликнула я, когда Полина рассказала мне, что Марина Михайловна «не знает Машу Трауб». — Ну что обо мне подумает учительница? Что я плохой преподаватель.

— Пусть подумает, что надо больше читать, — хмыкнула Полина, явно копируя тон учительницы.

* * *

Я затеяла в доме небольшой ремонт — решила починить шкафчики в ванной, перекрасить кухонные фасады и покрыть их лаком. Их сняли и увезли в мастерскую на обновление.

— Маша, у вас все ящики из ванной исчезли. И из кухни тоже! — ахнула от восторга Полина. — Ты видела?

Пришлось придумывать для нее историю таинственного исчезновения ящиков. Практически детектив.

Мне вообще нравится придумывать для Полины истории — она в них верит. Как брошенная на пол юбка улетела на люстру и решила стать абажуром. А потом решила стать птичкой,

раз она не нужна хозяйке, и улетела в форточку. И так поступает каждая юбка, забытая хозяйкой. А носки ищут себе пару. Бродят по ночам и гадают, куда потерялся правый или левый носок. Именно поэтому их нужно складывать вместе или скручивать в аккуратный комочек, иначе они не уснут. И будут ходить по ночам, как лунатики.

— А кто такие лунатики? — выпучила глаза Полина.

— Это такие люди, которые умеют ходить во сне, — объяснила я, — но утром ничего не помнят. Вообще. Многие великие люди страдали лунатизмом, точнее, правильно говорить сомнабулизмом. Гете, Ахматова.

— Тогда я тоже великий лунатик! — объявила Полина.

— Надеюсь, что великий, но не лунатик, — ответила я.

* * *

Встретились с Катей перед тренировкой девочек.

— Как дела? На тебе лица нет, — ахнула я.

— Еву потеряла, — ответила Катя.

— Как потеряла? — Я подумала, что Кате точно нужен полноценный сон, потому как малышка Ева в это время сладко спала в детском сиденье в машине.

Маша Трауб

— Ночью, — призналась Катя. — Я чуть не поседела от ужаса.

Катя проснулась ночью от духоты и сопутствующих кошмаров. Встала, открыла форточку и лишь после этого заметила, что в детской кроватке пусто. Младшая дочь, двухлетняя Ева, спала в родительской спальне, но с ее кровати давно сняли ограждение. Малышка любила утром забраться в кровать к родителям и досыпать там. Или скакать по папе с мамой, чтобы те уже наконец проснулись. На мгновение Катя решила, что все еще спит и видит кошмарный сон. У каждой матери свои страхи и преследующие ее жуткие сновидения. Я, например, нередко во сне вижу триллер, как стою на вокзале с чемоданом и не знаю, куда ехать. При этом со мной дети, но не мои. А где мои — неизвестно. Но и за этими, чужими, я должна присмотреть и куда-то их доставить. Неизвестно куда. Катя же призналась, что ее кошмар — падение. Не важно откуда. В ее снах дети все время падают — то с крутой лестницы, то с пеленального столика, то с балкона. Еще у одной моей знакомой главный кошмар — как она несет ребенка на руках в больницу, бежит, а больницы нет. И она не понимает, почему нет больницы. Так и бежит всю ночь с ребенком. Просыпается, естественно, обессиленная.

Катя, как многодетная мать, умеет держать себя в руках. Но ночью это делать сложно. Прежде чем

будить мужа, что было ее первым порывом, решила сама поискать младшую дочь. Тем более что муж, как многодетный отец, к третьему ребенку уже не подсказывал так бодро, как к первому. Даже когда Катя объявила ему, что рождает, он спокойно снова уснул, повернувшись на другой бок. Этого она ему до сих пор не может простить.

Катя отчего-то на цыпочках пошла в коридор, где натолкнулась на среднюю, Полину. Та, как это часто бывало, бродила по квартире. Врачи в количестве двухсот специалистов давно подтвердили Кате, что это не лунатизм, поэтому она успокоилась. Полина, бродя во сне, не делала ничего страшного — могла пойти водички попить или в окно посмотреть, после чего ложилась в кровать и спала до утра. Утром, конечно, ничего не помнила. Катя тоже не помнила, чем закончился вечер, так что прекрасно понимала свою дочь.

— Полина, ты Еву не видела? — спросила шепотом Катя у дочери.

Та помотала головой.

— Иди спать.

Полина послушно отправилась в кровать.

Свет в ванной горел. Катя его выключила, удивляясь, как ее супруг, который был ярым сторонником раздельного сбора мусора и радовался как ребенок, когда на мусорке появились отдельные контейнеры для стекла, пищевых отходов и прочего, при этой своей аккуратности

Маша Трауб

всегда забывал выключить свет. Оставлял то в коридоре, то в ванной.

Ева не обнаружила ни на кухне — к счастью, балконная дверь была закрыта, и Катя смогла выдохнуть хотя бы по этому поводу, — ни в комнате у старших сестер. В гостиной малышки тоже не было. Катя приняла решение немедленно будить мужа.

Она сходила в туалет и на всякий случай почистила зубы. Отчего-то в тот момент зубы для нее имели очень важное значение. И не спешите смеяться. Я, когда отправляла дочь в первый класс, делала тщательный макияж, собирала сумку, доставала все документы — от свидетельства о рождении до полиса медицинского страхования — и сидела, готовая к выходу. Меня отпустило к третьему классу. А еще одна моя приятельница, Оля, делала ровно наоборот. Если она вставала рано, собиралась и отправлялась по делам, ее обязательно вызывали срочно в школу. А если лежала в кровати до двенадцати, ничего не случилось. Надо ли говорить, что Оля придумала себе защитный ритуал — специально ходила в пижаме до полудня, чтобы потом собраться за полчаса и переделать все дела, носясь как ошпаренная.

Катя почистила зубы и зачем-то надела халат, вечером отправленный в стирку. Халат был любимым и красивым. Одно неудобство — слишком широкие рукава. Обычно по ночам все

матери больно задевают угол дивана или шкафа — кто ногой, кто коленкой. Сдерживаются, чтобы не начать материться в голос и не перебудить всех домашних. По себе знаю, это очень не просто. У меня еще муж — любитель побродить в четыре утра по квартире — открыть или закрыть форточки так, чтобы направить воздушный поток в нужном ему направлении. После этого он обычно спотыкается о ножку дивана и падает на меня всем телом. Я в этот момент смотрю кошмар про вокзал, чемоданы и чужих детей. И вижу, как на меня обрушивается поезд и я пытаюсь за-слонить своим телом детей.

Катя же, как правило, цеплялась рукавом за дверную ручку. И тут случилось именно это. Она зацепилась, но удержалась на ногах. И все было бы хорошо, не появившись на полу новое препятствие, которое Катя решила преодолеть на всякий случай. Препятствием оказалась Ева, которая спокойно спала на коврике рядом с родительской кроватью. Катя пролетела над Евой и спланировала на мужа. Но в полете успела поорать. Поэтому муж, конечно, проснулся, хотя и не окончательно.

— Ты рожает? — уточнил он.

— Дурак! Я давно родила!

— Поздравляю, — сказал муж и тут же вырубился.

Если бы не ночь, Катя бы его, конечно, сначала разбудила, потом убила, и так еще раз сто.

Маша Трауб

Но она сползла с кровати, взяла Еву на руки и еще час носила ее по комнате — пела колыбельные, укачивала, как маленькую. Иным способом, учитывая все обстоятельства, Катя не могла сообщить ей, как рада, что она нашлась. И как счастлива, что ничего страшного не случилось.

Уже утром картина прояснилась. Ева пошла на горшок в ванную — именно поэтому свет был включен, — но до кровати не дошла и уснула на коврик.

— Ты моя умница, — хвалила Катя младшую дочь.

— Мне ты так не говорила, — буркнула старшая Алиса. — А говорила «наконец-то до тебя дошло».

— А у меня и горшка не было. Я сразу на унитаз научилась, — поддакнула Полина.

После моего рассказа про знаменитых лунатиков Полина, бродившая среди ночи по направлению к холодильнику, всем домашним объявляла:

— Я Ахматова!

* * *

Косметический ремонт подошел к концу. Я водрузила на кухне новый холодильник — большой и красивый. Сделала роспись на стенах — лестницу с висящими травами, мешок с грецкими орехами, початки кукурузы, кирпичную кладку, чтобы хоть визуально обновить по-

тертости на обоях. Куст олеандра, который был нарисован в углу, превратился в цветущее оливковое дерево. Положила новые сидушки на стулья, повесила люстру, завела дополнительные ящики под рабочей столешницей. Пришли Катя с Полиной, и я пошла показывать обновленную кухню.

— Ты вроде бы ничего не поменяла, — заметила Катя.

— Мама! Ну ты что! У Маши холодильник новый! Теперь я не могу дотянуться до варенья! — возмутилась Полина.

* * *

— Полина, ты будешь обедать? — спрашивает Катя у дочери.

— А я к Маше еду? — уточняет та.

— Да, — отвечает Катя.

— Тогда нет! — объявляет Полина.

* * *

Полина, несмотря на мои усилия, все еще очень смешно употребляет предлоги. Поделаться с этим ничего нельзя. Я пробовала: «Буду играть со Симой, хочу пюре со сосиской, чай со сахаром».

Самое смешное, что мы все теперь тоже так говорим.

Маша Трауб

* * *

Младшая сестра Полины, двухлетняя Ева, покорила мое сердце с первого взгляда. Меня она знает со своего рождения и даже раньше, когда еще была в животе у мамы. Но до года она соглашалась посидеть у меня на руках, а после — ни в какую. Впрочем, Ева ни к кому на ручки не шла. Смотрела строго. Я отчаянно пыталась завоевать сердце малышки игрушками, вкусностями. Добилась того, что Ева меня начала узнавать через кухню. Точнее, она помнила, где стоит конфетница и на какой полке в холодильнике находится йогурт. Брала меня за руку и говорила: «Ы». Но и такой знак внимания с ее стороны был счастьем. Ева соглашалась поиграть со мной, пока мама ходит в туалет. Катя уже планировала романтический ужин с мужем, представляя, как оставит мне на вечер Еву. Чтобы закрепить успех запоминания, Катя показывала дочке мою фотографию в телефоне и повторяла: «Это Маша. Маша». «Ы», — отвечала Ева. Но тут приболела Полина, и я их не видела неделю. При встрече Ева сделала вид, что видит меня впервые в жизни и явно не рада знакомству.

— Не расстраивайся, попробуем еще раз, — приободрила меня Катя, хотя это у нее, а не у меня отменился запланированный романтический ужин.

Когда мама – это ты

* * *

Гуляли по парку. К моему мужу время от времени подходили поклонники. Его вообще часто узнают — от гардеробщиков в театре до кассиров в метро. В сауне фитнес-клуба обязательно встретится поклонник его творчества, и я успеваю выпить кофе, дожидаясь, когда появится муж, пересидевший в бане. Меня же вообще никогда нигде не узнают. Даже обидно. Я могу лежать на пляже рядом с женщиной, которая читает мою книгу, здороваться с ней каждое утро — бесполезно. Как-то, оказавшись в маленьком книжном магазинчике в южном городке, я не выдержала. Там на двери висел огромный плакат с моими книгами и портретом.

— Как здорово! Мне очень приятно, — воскликнула я.

В ответ на недоуменный взгляд продавщицы пришлось объяснить, что я — Маша Трауб.

— Ага. Тогда я — Дарья Донцова, — хмыкнула она.

Нет, в жизни я такая же, как на фотографиях. Никакого фотошопа.

Мужа узнали даже на смотровой площадке на Куршской косе.

— Можно с вами сфотографироваться? Это Людмила, моя супруга. Спасибо. Мы ваши поклонники. Пожалуйста, отойдите, вы мешаете. — Последняя фраза относилась ко мне.

Маша Трауб

— Ну почему? Почему меня никто не узнает? Ты, конечно, гений, но я же популярная! — воскликнула я на дорожке парка, пережив очередной удар по самолюбию. Мой супруг время от времени раскланивался с представителями прогуливающейся демократической интеллигенции.

— Мам, ну что ты хочешь? — подала голос Сима. — Тебя даже Ева не узнает.

* * *

Полину выбрали чтецом на последнем звонке. Первоклашки должны были по очереди читать выпускникам строчки стихотворения. Моей ученице достались аж четыре строфы, а не две, как остальным. Кто автор — неизвестно. Катя привезла мне Полину и попросила помочь срочно выучить.

Я продолжу твои начинанья,
Уважаемый мной выпускник!
И, свои расширяя познания,
Соберу все оценки в дневник!

Орфография и пунктуация сохранены.

Полина начала читать. Громко, на всю квартиру. С надрывом. Муж прибежал из кабинета.

— У вас все хорошо? — спросил он, поскольку слышал истошные крики из комнаты.

— Да, мы стишок учим, — ответила я. — Поли-

на, ты понимаешь, что такое «начинания» и «познания»? Правильное окончание «ия», а не через мягкий знак.

— Нет. А зачем? — удивилась Поля. — Марина Михайловна сказала, что нужно громко, и все. И бантики еще нужны.

Каждый раз, оказавшись у нас, Полина с порога начинала голосить про «начинанья». Муж хватался за сердце и за живот. За сердце — оттого что боялся за Полину: она вопила так искренне, будто всерьез переживала за «начинанья» и «познания» выпускников. А за живот — уже от хохота. Девочка вставала в третью позицию, как ее научили на гимнастике, поднимала голову, делала огромные глаза и начинала «выступать». Конечно, после чтения требовались аплодисменты, непременно бурные. Муж изображал публику и громко хлопал. Я кричала: «Браво!»

— Когда уже последний звонок? — спросил тихо муж.

— Потерпи, скоро, — ответила я.

— Я теперь тоже этот стишок все время повторяю. Привязался и в голове крутится.

* * *

Боже, кто придумывает эти задания для младших школьников, первоклашек? У вас сердце вообще есть? «Косогоры» — одушевленное су-

Маша Трауб

существительное или нет? Конечно, Полина ответила, что очень даже одушевленное. Есть косые люди, которые косят косые горы. Или горы нормальные, а люди точно косые.

— Поля, косогоры — это склон горы, неодушевленное существительное, — объяснила я.

— Что такое «склон»? — удивилась Поля.

Да, первоклашки не знают, что такое «склон», не то что «косогоры». Я чуть не плакала, рисуя на листочке гору и объясняя, что такое «склон».

— А что такое «косят»? — спросила Полина.

— Боже... косят косой, такой инструмент был. — Я нарисовала косу.

— Ага, я знаю, это как у смерти. Смерть тоже за людьми с косой приходит! — воскликнула радостно Полина. — Мне больше нравится думать, что это косые люди и косые горы, — тут же хмыкнула она и немедленно изобразила, как это может происходить.

— Ну вот, кстати, интересная тема. Коса, которой косят, и коса, которую заплетают, твоя косичка, например. Такие слова называются «омонимы», вы их будете проходить. Они звучат одинаково, но имеют разное значение. Есть еще смешная шутка. «Косил косой косой косой». Как думаешь, как ее расшифровать?

— Маша, я даже произнести это не могу! — объявила Полина.

Когда мама – это ты

— Ну кого называют косым? Подумай... Нет? Не помнишь? Зайца. И тогда получается, что у нас заяц с косоглазием косил кривой косой.

Полина свалилась под стол и начала хохотать. А потом изображала то зайца с косоглазием, то косогоры.

— Кать, театральное училище, точно, — плакала от смеха я, глядя, как Полина косила глаза и ходила, шатаясь и размахивая руками.

* * *

Моя дочь-шестиклассница в то же время упорно называла Петра Алексеевича Пётром через «ё» и соответствующим ударением. И хоть ты тресни — у нее был Пётра Алексеевич. Уже от отчаяния я рассказала Симе, что есть женское имя — Пётра, а мужское — Пётр. Но Пётра так и останется Пётрой Алексеевной, а Пётр превратится в Петра́. Сима уставилась в стену, видимо, гадая, стоит биться об нее головой или нет.

* * *

Подруга прислала крик из родительского чата. «Уважаемые родители, объясните своим детям, что Плутон — это планета, а мальчика зовут Платон!»

Маша Трауб

* * *

Когда в нашем доме стали появляться разновозрастные дети, старший сын, Василий, вообще перестал выходить из собственной комнаты. Услышав милый «топот детских ножек» по коридору, он закрывал дверь и, кажется, приставлял стул с внутренней стороны, чтобы точно никто не прорвался. Иногда, правда, выходил, рискуя наступить на бегущих по коридору двухлеток.

— Мам, предупреждать надо, — бурчал Василий.

— Я не могу это спрогнозировать. Дети — хуже погоды. Они прогнозу не подчиняются, — пожимала плечами я.

Полина на правах моей любимицы и часто бывающей в доме всем новоприбывшим детям проводила экскурсию:

— Здесь живет Симин брат, он большой. У него на стене гитара висит, и много всего интересного в комнате, но туда нельзя заходить. Я, конечно, заходила и на гитаре играла.

После этого все дети рвались хоть одним глазком увидеть Васину комнату — таинственную и запретную. Настоящее приключение. Открывали дверь, стараясь делать это тихо, что, конечно, не получалось. Полина непременно сама хотела повернуть ручку, но старшая, Алиса, утверждала, что у нее получится тише. В это вре-

мя в дверь врезалась Ева. Девочки застывали на секунду и убегали с отчаянными визгами. Вася этого не слышал — он сидел в звуконепроницаемых наушниках последней модели, купленных не в качестве подарка, а по случаю острой необходимости.

Но иногда он все же выходил из комнаты — на кухню или в туалет. В тот день Ева мне улыбалась и даже пошла на ручки — выбрать конфетку из конфетницы. И моему мужу улыбнулась и подарила шарик-попрыгунчик. Мы были счастливы и хвастались друг перед другом.

— А Ева на ручки пошла! — говорила я.

— А мне мячик подарила! — восклицал муж, чуть не прослезившись.

Но тут в коридоре появился Василий, и у Евы снова стерло память. Вася очень похож на своего отца, и, видимо, у малышки в голове не сложился пазл. Она опять никого не узнавала. На меня смотрела, будто видела впервые в жизни.

— Вася, ну зачем ты вышел? — расстроилась я.

Потом я ушла на кухню — готовить ужин. Муж закрыл дверь в кабинет — рабочее совещание по зуму. Полина с Евой улеглись на нашу кровать смотреть мультики. Ева даже уснула. Катя, воспользовавшись ситуацией, ушла в Симину комнату и легла на ее прикроватный коврик. Я ей выдала валик, набитый травами, — положить под лопатки, расслабиться.

Маша Трауб

Василий снял наушники и не понял, почему вдруг стало подозрительно тихо. Вышел проверить, не случилось ли чего. Увидев Катю, лежащую на коврикe с закрытыми глазами, подошел исключительно с целью узнать, не нужна ли ей помощь. Но Катя лежала тихо, дышала ровно. Вася уже собирался уходить, но она вдруг открыла глаза, увидела его, подскочила и убежала в комнату к девочкам.

Потом Катя мне рассказывала, что это вообще уже ни в какие ворота. Вася выходит из комнаты и видит постороннюю женщину, лежащую на полу.

Вася же прокомментировал так:

— Если кто-то лежит на полу, значит, так надо. Но хорошо бы проверить, не требуется ли чего, например, вызвать врача.

Он вообще подумал, что я куда-то ушла, забрала с собой детей и оставила Катю лежать, потому что так надо.

* * *

Полина, ребенок-почемучка, задала своей маме вечный детский вопрос:

— Мам, а откуда появляются дети?

— Спроси у папы, — отмахнулась Катя, пытаясь разобраться с носками — где чьи. Три дочери, шесть постиранных носков. Плюс две пары мужа и одни ее. Но у Кати или одного не хватало, или два оказывались лишними, причем из разных

пар. С чего вдруг стиральная машинка, которая обычно носки ела и хранила в своих внутренностях, решила их выплюнуть, было непонятно.

Еще Кате предстояло разобраться в шкафах и вернуть вещи по назначению. Полине вообще все равно, что надевать. Что первое попадет под руку, то и хорошо. Под руку обычно попадают вещи старшей Алисы, из-за чего та ужасно страдает. Понять можно. Полина опять надела ее трусы и колготки. А еще школьную юбку. Поля могла целый день проходить, не заметив, что колготки и юбка на два размера больше. Если кому и идет оверсайз, то точно ей. Малышка Ева в это же время норовила натянуть на себя вещи средней сестры, постепенно перетаскивая в свой ящичек майки и футболки. Кате уже надоело сортировать вещи, поэтому в ее сумке обычно лежат пять перчаток — от разных пар, разных цветов, одни больше, другие меньше. К вечеру до дома она доносит в лучшем случае три штуки. Остальные оказываются или потеряны, или забыты. Катя покупает носки-трусы-колготки в промышленных масштабах.

— А тебе зачем знать, откуда появляются дети? — спросила у Полины старшая сестра Алиса, у которой она тоже спросила, откуда берутся дети.

— Хочу знать, вдруг у нас еще один ребенок появится, — ответила Полина, показывая на младшую Еву. Та была занята тем, что доставала

Маша Трауб

из шкафа вещи сестер — юбки, платья — и перетаскивала в свою кроватку, засовывая под подушку и под матрас.

— Надо папе сказать, чтобы больше не забирал детей из роддома, — буркнула Алиса. — Этих с головой хватает. Дети из роддома появляются.

* * *

Мне в возрасте шести лет как-то удалось срывать собственную мать, которую, казалось, вообще удивить невозможно. К ней пришла клиентка — мама тогда еще работала адвокатом по бракоразводным делам — и первым делом стала жаловаться на мужа, который, конечно, сволочь и скотина. Я, проходя мимо кухни, заметила:

— Да зачем вообще эти мужики нужны?

Клиентка даже рыдать перестала. Мама собиралась потребовать, чтобы я немедленно закрыла дверь. Но я продолжила мысль:

— Куда лучше без них. Не клята и не мята.

Сказала я это с характерным украинским говором — «нэ клята и нэ мята».

Мама едва сдерживала смех. Клиентка вытаращила глаза и замолчала.

— Простите, она провела лето в деревне. На Украине. Там, видимо, и набралась фольклора. — У мамы уже слезы из глаз лились от едва сдерживаемого смеха.

Когда мама – это ты

— А что это значит? — спросила клиентка.

— А то и значит. Что никто тебе мозги не делает и в койку не тащит, — ответила я, прежде чем мама успела открыть рот.

Мама, конечно, сползла от хохота под стол. Клиентка уползла туда же. Дело они потом выиграли. Легко, быстро и весело. В зале суда клиентка улыбалась. Призналась, что все время меня вспоминала.

* * *

На спортивных сборах наши девочки оказались в компании мальчиков-борцов. Жили по соседству. Мальчики, конечно, проявляли интерес — кричали под окнами, стучались в номера и сбегали. Спрашивали у наших тренеров, когда будет дискотека. Но когда тренеры объявили дискотеку и наши красотки вышли танцевать, мальчики снова сбежали. Девочки не удивились, а лишь пожали плечами: «Как всегда». В прошлом году от них сбежали мальчики-баскетболисты, в позапрошлом — команда тхэквондистов.

— Когда доходит до дела, мальчики всегда сбегают, — объявила семилетняя Настя.

Но в этом году мальчиков вернул на дискотеку тренер — мужчина яркой восточной внешности. Джигит. И первым отправился производить впечатление. Включил нечто похожее на лезгин-

Маша Трауб

ку, но, на свою беду, попал на нашего хореографа — прекрасную Ирину Сергеевну, блондинку с голубыми глазами. Ирина Сергеевна вышла в круг и выдала профессиональную версию грузинской лезгинки. Тренер-борец пытался соответствовать, но его хватило ненадолго. Он уже задыхался, а Ирина Сергеевна только растанцевалась. Нет, она не ушла, потупив глаза и давая возможность партнеру удалиться, не потеряв достоинства. Она продолжала танцевать, когда тренер-борец держался за сердце и тяжело дышал.

Мамочки дружно стали писать в чате, что прекрасную Ирину Сергеевну обязательно украдут «в замуж» после такого танца. И что тренер — очень привлекательный мужчина. И кольца на пальце нет. Все заметили, рассмотрев видео с остановками и увеличением.

Не украдет. Ирина Сергеевна сделала страшное — перетанцевала мужчину.

Я участвовала в национальном ансамбле все детство. Мы исполняли и грузинские, и армянские, и осетинские танцы. Да, в грузинских женщинам дозволено больше, чем в осетинских. Они имеют право на личные партии. В осетинских же даже мужчины стоят на пальцах, точнее, на подогнутых пальцах, будто на пуантах, а женщины могут лишь оттенять их присутствие на сцене. Если мужчина устал от сольной партии, женщина должна сделать вид, что это она уста-

ла, и дать возможность партнеру уйти со сцены с достоинством.

Национальные танцы — это всегда покорность и подчинение. Взгляд в пол. «Ты просто ходи туда-сюда красиво».

Да, женщина может доминировать на сцене, если она Нина Ананиашвили — великая балерина. А пока ты не Нина Ананиашвили — работай, сделай так, чтобы все мужчины перед тобой преклонили колени. Не только в танце, но и в жизни. Так учили нас. И это главный урок, который я выучила. Но наши девочки вряд ли поймут такую мотивацию. Их мамы то «берут аскезу», то «работают над отношениями», то «прорабатывают» что-то с психологами. Личностный рост, коучи. А на самом деле все просто — или танцуй, как великая балерина, или ходи туда-сюда красиво, уткнув глаза в пол. Кстати, я до сих пор так делаю. Иногда. Муж, правда, сразу начинает хохотать. Но ведь иногда и вправду лучше закрыть рот и уйти. Главный рецепт счастливой семейной жизни.

На следующую дискотеку мальчишки не пришли. Тренер объявил им отбой. Но некоторые мальчишки сбежали из корпуса и оказались под окнами прекрасных гимнасток. В одну из комнат даже постучались.

— У нас режим, парням тут не место! — строго объявила семилетняя Верочка.

Маша Трауб

Мальчишки-борцы скатились кубарем по лестнице и ретировались в свой корпус.

— Очень быстро сдались, — пожалала плечами Настя, наблюдая с балкона побег. — Женщин надо добиваться.

* * *

День рождения Алисы пришлось отменить — кто-то заболел, часть гостей разъезжалась. Решили отметить, когда все соберутся.

— Почему ты родила меня летом? — рыдала Алиса.

— Так получилось, — отвечала Катя, которая сама была готова плакать. Каждый год одно и то же. Она понимала чувства дочери как никто. Все свои дни рождения она отмечала или с мамой, или с бабушкой. Остальные члены семьи, не говоря уже о подружках, на лето разъезжались.

Друзья семьи, не сговариваясь, решили как-то подбодрить ребенка. Каждый день курьеры доставляли подарки, воздушные шары, еще подарки. Начали заранее, чтобы ко дню рождения Алиса была уже вся в подарках. Полина, открывая дверь очередному курьеру, заливалась горячими слезами.

— Ты-то чего плачешь? — не понимала Катя.

— Мой день рождения еще не скоро! У меня такого никогда не было! — страдала Полина.

Младшая Ева тоже плакала. На нее никто не обращал внимания, а она хотела смотреть мультики. Отец семейства сбежал в дальнюю комнату и закрыл дверь.

Позвонил брат мужа с вопросом, чем порадовать племянницу.

До этого Алиса составляла виш-лист для дяди.

— Хочу помаду, взрослую, настоящую, — объявила Алиса.

— Боюсь, твой дядя не очень разбирается в помадах, — заметила осторожно Катя.

— Тогда лак для ногтей, коралловый или персиковый, — сделала еще один запрос Алиса.

— Нет, не найдет нужный оттенок. Даже для меня существует только один цвет — красный. А персик — это не цвет, а фрукт. Представь, как будет тяжело твоему дяде, — пыталась переубедить дочь Катя.

— Ну пусть подарит термос для гимнастики, — пожелала Алиса с некоторым отчаянием в голосе.

Пожелание передали. На следующий день Алиса получила в подарок литровый походный термос из спецстали, а не изящную кружку с изображением гимнастки.

Естественно, Алиса пошла рыдать. Даже Полина отказалась от этого подарка. Зато малышка Ева утащила термос в свою кровать.

Маша Трауб

«Что пить? Магний или сразу яд?» — прислала сообщение Катя.

Кстати, ей же принадлежит замечательный афоризм: «Спящий ребенок — это не только мими, но и наконец-то!» Это сообщение дополнил смайлик, дующий в свистульку.

* * *

У меня появилась еще одна любимая малышка — Софийка. К детским именам нужно относиться очень внимательно. В нашем гимнастическом клубе есть Софа, Соня, София и Софийка, и не дай бог их назвать по-другому. А еще есть Марья, Маруся и Маша.

Так вот, про Софийку. Тренировочный зал находится далеко, туда надо ехать на машине. Кто из родителей может — подхватывает чужих детей. Тут главное — не взять лишнего ребенка и не забыть того, кого нужно забрать. Это мой ежедневный утренний кошмар после пробуждения. Кого я сегодня везу? И откуда надо забрать? От подъезда или от бабушки? А назад? Сколько детей отвезти и сколько вернуть? Или сегодня никого? Дети же идут, садятся в машину, а я лихорадочно пытаюсь вспомнить, кого и куда обещала доставить. Кому написать, что мы выехали, а кого предупредить, когда уже подедем. А еще у детей рюкзаки, обручи, мячи... Просле-

дить, чтобы не забыли ничего в зале. Наколенники, скакалки, зонтики, шлепки. Все собрать, запихнуть в багажник или утрамбовать в салон. Не забыть достать телефон из сумки. Только отъехали — приходит сообщение в родительский чат: «Анюта выходит из зала? Ждем ее внизу». Анюта уже давно сидит в моей машине на полдороге домой. Пишу, что забрала. Ее мама едет следом. Тут Анюта вспоминает, что забыла в зале мяч и надо срочно вернуться. Пишу маме, что, мол, возвращайтесь, забирайте мяч. Всех пересчитать, не взять лишних, не перепутать рюкзаки при выдаче. И такое было. Дети даже не заметили. Выгрузить. Не перепутать, кого где. Один раз по ошибке выдала бабушке чужую внучку. Обе не возражали. Разобрались после ужина, когда сели за уроки. Классы не те. И не то чтобы бабушка внучку видела впервые в жизни... Выдать обручи. Опять забыли. Ладно, привезем сразу три на следующую тренировку.

Багажник моей машины лучше не открывать. Там ездит общественный пылесос, которым чистят ковры, на которых занимаются девочки. Надо поднять его в квартиру или сдать на хранение в зал, но я все время забываю. Зонтик, чехол от скакалки, шапка, куртка — писала в родительский чат сто раз, никто не признается, что это их. Шапка оказалась моя, я ее потеряла еще в прошлом году и не опознала в этом. Хо-

Маша Трауб

зайка куртки нашлась, когда та стала ей отчаянно мала, а хозяйка чехла так и не обнаружилась. В салоне машины — вода в маленьких бутылках, если вдруг кто-то захочет пить. Салфетки во всех видах. Фрукты в ланчбоксе — вдруг попадем в пробку? Запасной спортивный костюм, запасная куртка. Один раз Настюша потеряла свою куртку в раздевалке. Теперь я вожу запасную на такие случаи.

Софийку обожаю. Она говорит «капец».

— Софийка, умоляю, еще раз скажешь «капец», я умру. Давай склоняй по падежам, — велела я, забыв, что в первом классе падежи еще не проходят.

За пятнадцать минут по дороге домой Софийка выучила падежи и просклоняла все «капцы» и заодно «блины».

— Софийка, ты же знаешь, что я нервная, пожалуйста, без «короче», — умоляю я.

— Хорошо, я постараюсь, — обещает серьезно малышка и правда старается всю дорогу.

Все девочки уже знают — в моей машине лучше говорить правильно, иначе нарвешься на внеплановый урок русского языка.

Софийка живет в нашем доме, но несколькими этажами выше. На их этаже не работает звонок. Дверь на лестничную клетку всегда закрыта, не то что наша — вечно нараспашку. Я понимаю Софийкину маму, которая не спешит чинить

звонок. Трое детей. Старшая шестнадцатилетняя дочь, средний четырнадцатилетний сын и семилетняя Софийка. Я бы тоже на месте мамы всю связь в доме вырубил.

Стоим на этаже. Я везла Софийку впервые и про сломанный звонок не знала.

- Софийка, звонок твой? — спрашиваю я.
- Нет, — твердо отвечает девчужка.
- А номер квартиры какой? — уточняю я.
- Не помню, — пожимает плечами Софийка.
- Сто шестьдесят?
- Да.
- Значит, твоя дверь.
- Нет, не моя.

Пишу Софийкиной маме, уточняю номер квартиры. С ужасом думаю, что могла перепутать этаж. Нет, все верно. Дверь открывает брат девочки.

- Софийка, твоя же дверь! — радуюсь я.
- Ну да, ничего в жизни не меняется, — отвечает она. Я начинаю хохотать. Только малышки умеют выдавать философские фразы с таким серьезным видом.

* * *

В машине стоит странный запах. Уже и проветривала, и мыла, а все равно запах не выветривается. Решила помыть салон с пеной со вкусом жвачки, но до этого проверить — нет ли чего в

Маша Трауб

машине, о чем я не знаю. Мои дети выросли, так что от химчистки салона два раза в неделю я отвыкла. Да, один раз оставила курицу в багажнике. Еще раз разлила кофе. Ладно, рыбу тоже как-то забыла, заброшенную за пылесос. Но после этого уже отмывала салон. Сейчас-то откуда запах?

Облазила всё, чтобы не было стыдно ехать на мойку — меня там давно знают и чего только не выдавали после обработки салона, от нижнего белья — моего — до важных документов, которые я обыскалась. Бутылку коньяка находили, который я заказала в подарок мужу и напрочь забыла. Коньяк был уже выдержанный. Правда, не в дубовой бочке, а в бутылке на московской жаре. Еще при мойке нашли мою старую сумку со спортивной формой. Я и забыла, что у меня есть такой прекрасный топ, который я искала в собственном шкафу и не понимала, где могла его потерять.

Под задним сиденьем обнаружила две раздавленные шоколадки, слипшиеся барбариски и раскрошенное печенье.

Подумала на девочек, которым все это, конечно же, нельзя. Спросила у дочери.

— Симуль, это же нельзя есть. Оно все стухло двести раз, — ахнула я.

— Знаю. Никто и не ест. Ты сама все это спрятала, вообще-то. А пахнет вот этот пакет. В двери лежит под салфетками. Уже три дня точно, — ответила дочь.

Когда мама – это ты

Ну, конечно. Я купила сыр, переложила в пакет и засунула в дверь, чтобы не потерять в багажнике.

* * *

В художественной школе, где занимается Сима, на первом этаже стоит здоровенный автомат с шоколадками, газированными напитками и прочими детскими радостями. Дочь такой увидела, кажется, впервые в жизни и замерла от восхищения и ужаса одновременно.

— Все дети побежали к автомату. А я стою и думаю: «Мне это все нельзя. Да и денег у меня нет», — рассказывала Сима вечером.

* * *

Опять отвозила Софийку. Доставила на этаж. Дверь закрыта. Звонок не работает.

— Сейчас я сестре позвоню, чтобы дверь открыла, — говорит Софийка и набирает номер. — Привет, как дела? Ты дома? Нет? А где? На тренировке? А почему? У мамы на работе? Хорошо. А потом куда? Ладно. У вас дождь идет? У нас идет. Понятно, пока. Лерка ерундой страдает на маминой работе, — докладывает она мне, — сейчас брату позвоню. — Софийка набирает номер. — Але, привет, ты дома? Как дела? Спишь, что ли? Нет? А что делаешь? Ничего? Как это ни-

Маша Трауб

чего? Нельзя ничего не делать. В магазин ходил? Мама утром просила. Купи мне детское пюре. Почему не можешь? Ты же ничего не делаешь! Ну ладно. Пока.

— Скажи, что ты стоишь на лестничной клетке. Пусть откроют дверь, — умоляю я. В этот момент в моей квартире сын открыл дверь и увидел на пороге пятерых детей, смутно знакомую женщину и родную сестру. Я их всех выгрузила на нашем этаже и поднялась сдавать Софийку. Мне бы так владеть эмоциями, как Василий. Покерфейс и неизменная вежливость. Поздоровался, помог повесить куртки. Если в доме опять появился детский сад, а матери нет в помине, значит, так надо.

Впрочем, мой муж, возвращаясь с работы, тоже смотрит по сторонам, прежде чем войти в подъезд. Если к дому приближается небольшая толпа разновозрастных девочек, увешанных обручами и спортивными сумками, значит, точно к нам. А если без обручей и толпа большая, то тоже к нам. Он гуляет вокруг дома, звонит по рабочим вопросам, заходит в магазин за соками и мороженым и лишь после этого идет домой. За это время дети успевают разуться, раздеться, помыть руки и переместиться на кухню. Я встречаю мужа как героя. Только он может вовремя доставить сок, непременно яблочный или вишневый, и мороженое, которое вдруг захоте-

ли все сразу. Муж у меня опытный отец — покупает упаковками, чтобы дети не перессорились за разные. Они же вдруг все захотят непременно в стаканчике и дружно будут игнорировать шоколадное, хотя в прошлый раз все было с точностью до наоборот. Все хотели шоколадное.

Как разжечь искру в браке спустя больше двадцати лет семейной жизни? Приведите домой толпу детей. И если муж принесет мороженое в промышленных масштабах, не удивится количеству обуви в коридоре и подхватит вешалку, падающую от навешанных курток, он станет для вас не просто принцем на белом коне, а суперменом. А если он к тому же тихо уйдет в комнату, по дороге поскользнувшись на мячиках-попрыгунчиках, грохнувшись на спину, и стерпит укол заколкой в пятку, вы его полюбите с новой силой. Нет, если муж выучит, как зовут всех девочек с одинаковыми прическами и в одинаковых клубных костюмах после тренировки и даже начнет их различать, вот тогда он станет для вас настоящим героем. А когда он выучит имена мам и кому кто из детей приходится, тогда вы будете готовы провести с этим мужчиной остаток своих дней. Мой муж — идеален. Он не только все это сделал, но еще и каждый раз выходит в коридор, чтобы помочь мамам и девочкам надеть куртки и пальто. Да, я вышла замуж за лучшего мужчину на свете.

Маша Трауб

* * *

Софийка послушала, что делает брат, ответила: «Ага, понятно, пока» — и положила трубку.

— Почему ты не сказала, что надо открыть дверь? — спросила я. Мы все еще стояли на лестничной клетке.

— Забыла, — улыбнулась Софийка. А улыбается она так, что сразу хочется жить и улыбаться тоже, во весь рот. Как зевота, которой заражаешься. Я, конечно, стою и как дура улыбаюсь. И Софийка тоже. То ли мама позвонила брату, то ли сестра, но дверь открылась.

— О, привет, ты дома? — удивилась Софийка, увидев брата, который еще минуту назад утверждал, что спит.

В следующий раз Софийка взяла телефон и гордо сообщила, что у нее теперь есть пароль. Набрала что-то, потом еще раз. Я отвечала на собственные звонки.

— Ну что? Открывают? — спросила я.

— Да, надо немного подождать, — ответила девчушка.

— Хорошо, сейчас предупрежу твою маму, — сказала я, решив, что отведу Софийку к нам. Напою чаем, а сама на рабочую почту отвечу. Да и смущать мы никого не будем. Уже вечер. Мало ли — у брата гости или у сестры. Имеют право на личную жизнь.